

Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique [Категоризация миноритарных языков в России и на постсоветском пространстве]. — Viaut A., Moskvitcheva S. (dirs.) — Bordeaux–Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014. — 405 p.

Рецензируемое издание является опытом концептуализации и осмысления пространств миноритарных языков методами различных наук. Коллективная монография *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique* явилась результатом научного проекта *Langues minoritaires et marges linguistiques en Europe*¹. Проект получил финансовую поддержку Регионального Совета Аквитании² (Франция) и был проведен в 2009–2013 гг. группой исследователей под руководством директора исследований Национального центра научных исследований (Франция) Алена Вио (ИЦНИ, лаборатория 5478 IKER, Франция). Административная и финансовая координация проекта осуществлялась Домом наук о человеке Аквитании (Бордо, Франция)³.

Основу издания преимущественно составили тексты выступлений на научной конференции *Catégorisation des langues minoritaires: approche pluridisciplinaire de la terminologie russe*, организованной Домом наук о человеке 9–10 декабря 2010 г. Основным интересом участников был сконцентрирован на анализе феномена «миноритарный язык»

¹ Миноритарные языки и языковые периферии в Европе.

² Conseil régional d'Aquitaine.

³ Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine.

в его онтологической, гносеологической и дискурсивной природе. Внимание исследователей привлекли как формы существования миноритарных языков, так и их категоризация в зависимости от различных культурных, исторических и социальных практик, идеологических и политических установок. Концепт «миноритарный язык», его роль и потенциал в категоризации языкового пространства рассматривались в междисциплинарном аспекте, используя, в первую очередь методы лингвистики (преимущественно социолингвистики и лексической семантики) и права. Результаты исследования были опубликованы в двух томах⁴. Первый том, которому посвящена настоящая рецензия, явился попыткой осмысления специфики понимания и развития терминологического поля, приложимого к категориям миноритарных языков и языкам в миноритарной ситуации в Российской Федерации и странах бывшего советского пространства.

Издание стало результатом тесного многолетнего сотрудничества российских и французских исследователей в изучении категоризации языкового пространства, что, как представляется, придает особую ценность и интерес данной книге.

Авторы монографии исходили из положения, что концепт «миноритарный язык» проявляется исключительно в дискурсивном, конструктивистском, а не в онтологическом пространстве. Следовательно, он чрезвычайно чувствителен к социальным и политическим сдвигам, недостатка в которых не испытала ни русская, ни европейская история XX в., поэтому сравнение гносеологических и эпистемологических

⁴ Вторая часть (*Identifier et catégoriser les langues minoritaires en Europe occidentale* [Определение и категоризация миноритарных языков в Западной Европе]. *Busquet J., Platon S., Viaut A. (dirs.)* Bordeaux–Pessac: Maison des sciences de l’homme d’Aquitaine, 2014), увидевшая свет одновременно с данным изданием, посвящена проблемам категоризации языкового пространства в Европе в узком понимании.

европейских и советских/российских парадигм чрезвычайно плодотворно, тем более что изучение данного феномена едва ли возможно без учета опыта категоризации миноритарных языков в двух макрорегионах.

В ряде статей монографии (С. Москвичева, Е. Белинская, Ж.-Л. Леонард, К. Джорджевич, А. Паско) показано, что построение социолингвистической и юридической терминологии в этой области невозможно на принципе отражения онтоса исследуемого объекта, поскольку категоризация миноритарных языков исходит из дискурсивных практик.

Монография состоит из трех частей. Первая — «Междисциплинарный подход к номинациям», где преимущественно обсуждаются проблемы общеметодологического порядка. Во второй части «Особенности номинативных категоризации в различных ареалах» представлен анализ категоризации таких номинаций миноритарных языков как «родной язык», «язык меньшинства», «язык этнического меньшинства» на примере конкретных языковых ситуаций в Российской Федерации и на постсоветском пространстве. Третья, заключительная часть монографии «Сравнение с Европейским ареалом» содержит четыре статьи, в которых сопоставляются категоризации миноритарных языков в российской и европейской практиках с точки зрения права, лингвистики и семантики.

В первой части монографии в главе «Объект “миноритарный язык”» поставлены общие вопросы о причинах многообразия номинаций, явлениях полисемии и синонимии в сосуществующих социолингвистических и юридических терминологиях в области именованя миноритарных языков в России и на постсоветском пространстве. В статье С.А. Москвичевой «Синонимия и ее пределы в терминологическом поле “миноритарный язык” в российской традиции» (с. 19–45) дан обзор наиболее влиятельных советских работ в области теории терминологии (труды Д.С. Лотте, Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, Г.П. Мельникова, В.М. Лейчика и других), а также дан анализ причин полиномии категорий

миноритарных языков. В статье на первый план выходит преимущественно метаязыковая функция языка.

Философские и психологические подходы к определению и пониманию природы термина представлены в статье Е. Белинской «Семантические характеристики понятия “язык”» (с. 45–59). Для автора наиболее существенной оказывается символическая функция языка, хотя метаязыковые аспекты также оказываются затронутыми. Е. Белинская обосновывает принципиальную множественность именования исходя из феноменологических философских парадигм и более поздних работ П. Бергера и Т. Лукмана о ведущей роли языка в социальном конструировании. «Различные картины мира, включая и научную картину, находят свое выражение в системе использования языка» (с. 47), одной из основных задач которого является объективация различных социальных опытов.

Оба автора сходятся в том, что истоки полиномии следует искать как в сложной онтологической природе самого объекта исследования, так и в смене гносеологических и эпистемологических парадигм двадцатого века. Язык как объект политики трактовался в духе эссенциализма, структурализма, конструктивизма и постконструктивизма, что привело к контаминации и эклектизму терминосистем номинаций языков, их внутренней противоречивости в социальном и политическом аспектах. Советская социолингвистика, заявляя о своей приверженности диалектическому материализму, в сущности работала с социальными конструктами. Не случайно, факторами, определяющим социальную категоризацию миноритарных языков, которые следует учитывать в первую очередь, являются существенные изменения в общей идеологии государства на протяжении всей его истории, непосредственно определявшие политику и практику строительства социализма в СССР в целом и языковое строительство в частности. Опыт грандиозного эксперимента по осуществлению институализации этничности, конструированию и развитию языков по-прежнему требует своего осмысления, в том числе

через анализ терминологического поля, категоризирующего языковое пространство.

В статье С. Москвичевой сложность семантической структуры номинаций показана на примере взаимоотношений таких понятий как *народ, нация, национальность, этнос, меньшинство, общность, община, группа* в качестве определителя при субстантиве *язык*. Е. Белинская, анализируя семантическую эволюцию термина «язык» в научном этнопсихологическом дискурсе 90-х – начала 2000-х гг., уделяет особое внимание таким номинациям как *родной, первый, второй родной, свой, чужой, новый, иностранный язык* и ряду других.

Семантическая структура номинаций в концептуальном поле «миноритарный язык» отличается большой сложностью и подвижностью, поскольку, как было сказано выше, она производна от дискурсивных формаций и связанных с ними социальных представлений о языке. Применительно к этому семантическому полю более чем верно определение Л. Витгенштейна «значение есть употребление».

Наряду с тематическим делением, которое ясно из содержания книги, в данной монографии можно проследить два методологических подхода, соответствующих поставленной автором задаче: описание и анализ семантической структуры номинаций или же описание языковых ситуаций через призму категорий миноритарных языков в языковом, социальном и юридических аспектах. К первой (семантической) проблематике, помимо работ С. Москвичевой и Е. Белинской, можно отнести статьи Н. Нугаевой и У. Остапенко, Ф. Новикова, Е. Недопекиной, У. Бахтикиреевой, К. Джорджевич и Ж.-Л. Леонарда, А. Паско.

Статью Ж.-Л. Леонарда и К. Джорджевич «Эндогенные и экзогенные названия уральских языков: на примере обско-угорских и самоедских языков» (с. 259–281) предваряет подробное описание социолингвистической ситуации, сложившейся в ареале распространения финно-угорских языков в Российской Федерации, освещающее вопросы типологических

и генетических классификаций данных языков, с кратким изложением истории языкового строительства в данном регионе и характеристикой современного состояния языков. Представляется, что такой подход оправдан, поскольку издание было рассчитано в первую очередь не на российского читателя, более-менее знакомого с изложенными фактами, а на европейского (французского), для которого подобная информация может быть новой и полезной. Далее авторы предлагают категоризацию собственно наименований финно-угорских языков, основанием которой служит логика Дж. Милля и ее критика в трудах Г. Фреге, а целью является исследовать, каким образом денотативные и коннотативные (восходящие к психосоциальным репрезентациям и суждениям) компоненты этнонимов соотносятся в названиях языков. Наверху иерархии авторы располагают этнонимы с референтивной соотнесенностью: общей (самоеды, юагиры) или содержащей компонент-геоним (гидронимы, биотопонимы, напр. 'люди леса' и т. п.). Уровнем ниже в иерархии стоят экзогенные гетеронимы, среди которых выделяются вертикальные (названия народов, данные русскими) и горизонтальные (названия народов, данные соседними, нерусскими народами), далее в классификации следуют автонимы (эндогенные названия), которые могут быть антропоцентричными или этноцентричными.

Статья представляет финно-угорские народы не в ракурсе «миноритарности», а с точки зрения референтивной соотнесенности названий языков и социальных представлений о них. Данная классификация несколько выбивается из общего сюжета монографии, сосредоточенной на социально-политической категоризации языков, однако подход представляется крайне интересным и плодотворным.

В статье А. Вио «Соотношение языка и территории в номинациях языков в миноритарной ситуации в России и Франции» (с. 321–339) рассматривается вопрос о соотношении территории в физическом и ментальном смыслах и языка.

Автору принадлежит разработка концепта лингвистической границы по типу А, совпадающей с границами распространения первичных диалектов (термин Косериу) и границы по типу В, соответствующей территориям, на которых функционирует стандартный вариант языка. Границы территории по второму типу не эквиваленты пространству в физическом смысле, что, в частности, приводит к определенной специфике категоризации и понимания миноритарного языка. Так, региональный язык Эльзаса и Мозеля понимается как немецкие диалекты (исконные диалекты области) + *Hochdeutsch*, что имеет определенные следствия в области преподавания языка, что, в свою очередь, влияет на проблему сохранности немецких идиом востока страны.

Далее в статье на примере семантики использования единственного и множественного числа в официальных номинациях категорий языков автор раскрывает две тенденции в процессах миноризации языков современной Франции: эффект глобализации и эффект нейтрализации. «Эффект глобализации» связан с существованием понятия «*langues de France*»⁵, который подводит все языки Франции под одну общую категорию, истоки которой следует искать в якобинском понимании неделимости народа и территории Французской Республики. На символическом уровне специфика, приписываемая каждому из языков, оказывается связанной с семантикой единственного числа связанных с ним предикатов («*Les langues de France est le patrimoine...⁶*»), которая выражает идею общности и связана с онтологическим единством (*la France*⁷). Вторая тенденция связана с «эффектом нейтрализации» через дисперсное представление языков. В официальных документах

⁵ Термин, используемый Министерством культуры и коммуникаций, введен в 2001 г.

⁶ Языки Франции являются наследием... (французский язык достаточно легко позволяет употреблять слово «наследие» во множественном числе).

⁷ Франция.

единственное число применительно к государственному французскому языку всегда противостоит множественному «языки Франции» (все другие языки, взятые как единая совокупность), что нашло отражение и в названии органа, курирующего языковую политику — Генеральное управление по французскому языку и языкам Франции. Для «других» языков предпочтительной оказывается общая номинация во множественном числе, названия самих же языков даются в скобках: «говоры языка “*ос*” или окситанского (гасконский, лангедокский, провансальский, овернский, лимузинский, виваро-альпийски⁸)». Таким образом создается эффект дисперсного негомогенного существования миноритарного языка, а точнее языков (группы диалектов?), образующих некий языковой континуум, противопоставленный единому и гомогенному французскому языку.

Заслуживают внимания подходы к описанию семантики языка мигрантов, предложенные в статье А. Паско «Содержание и восприятие номинации «язык мигрантов» во Франции и России» (с. 339–367). Для выяснения степени употребимости той или иной номинации (язык миграции, язык иммиграции, языки мигрантов и т. д.) автор, в том числе, использовал поисковую систему Google. На момент написания статьи французское семантическое поле «язык мигрантов» было представлено целой гаммой номинаций, в то время как в русском преобладали «язык эмиграции» (443 употребления без относительно к грамматической вариативности) и «язык иммиграции» (438 употреблений). Наиболее частое сейчас «мигрант» практически не встречалось. Статья показывает, что семантическое поле «язык мигрантов» сформировалось в русском языке в последние годы и сейчас сопоставимо с французским, в том числе и в плане семантической структуры.

⁸ Parlers d'oc ou occitan (gascon, languedocien, provençal, auvergnat, limousine, vivaro-alpin).

Общим недостатком части монографии в области семантического анализа номинаций является отсутствие работ с применением компьютерных исследований корпуса текстов, что позволило бы охватить большой объем текстов — условия, обязательного при понимании значения слова как употребления. Дистрибутивный анализ, дополненный графами и статистическими данными, безусловно, необходим в работах такого рода.

Второе замечание, которое хотелось бы сделать, касается отсутствия единого методологического принципа и плана анализа номинаций, что оставляет впечатление некой эклектичности текста. Впрочем, исследование такого рода, как в области тематики, так и в области организации (выполненное международной группой исследователей) и методологии (междисциплинарное, опирающееся на разный исторический научный опыт и традиции) было проведено, насколько нам известно, впервые, что во многом объясняет определенный эклектизм текста. Вместе с тем необходимо отметить, что различия эпистемологического и методологического характера могут быть весьма показательны и полезны, поскольку позволяют осмыслить проблему в аспекте разных научных традиций и школ.

К недостаткам опубликованной работы можно также отнести некоторую небрежность и определенный «импрессионизм» ряда статей. Очень эмоциональная статья Н. Нугаевой и У. Остапенко «Корреляция понятий родной язык и официальный язык: юридические механизмы их развития и реализации в России» (с. 61–71), глубоко переживающих за судьбу родного языка, значительно выиграла, если бы авторы вместо того, чтобы повторять общеизвестные истины об основополагающей роли родного языка в жизни общества и связи языка и мышления (не столь простой и однозначной, как кажется) сделали бы попытку как минимум определить понятие «родного языка» на изучаемой территории (физической и идеальной), а также выявить юридические механизмы

регулирования отношений между татарским и русским языками в Республике Татарстан, о чем и было заявлено в названии.

Несколько незрелой нам показалась статья Ф. Новикова «Представление миноритарных языков через призму понятий “говор”, “диалект”, “наречие”» (с. 85–97). Из двенадцати приведенных в статье цитат десять являются цитированием работы М.И. Исаева «Словарь этнолингвистических понятий и терминов»⁹. Мы с глубоким уважением относимся к трудам Магомета Измаиловича, но строить работу, основным сюжетом которой должно было быть становление и анализ семантической структуры данных терминов, только на них, представляется некорректным. В статье нет ни слова о работе Московской диалектологической комиссии, опыте и принципах создания Диалектологической карты русского языка в Европе, о работе по подготовке Диалектологического атласа русского языка в пятидесятые–шестидесятые годы и много другого, о чем бы следовало хотя бы кратко упомянуть в настоящей статье, для того чтобы определить смысл терминов «диалект», «говор», «наречие» в русской научной традиции. Если бы это было сделано, автор, возможно, разобрался с природой термина диалект/говор и «патуа» и не стал бы говорить об их определенной эквивалентности, поскольку это понятия принципиально разных, несовместимых подходов к категоризации языкового пространства — якобинский принцип единого языка в едином неделимом государстве и романтическое понимание языка как воплощение духа народа.

Вторая группа статей, написанная преимущественно юристами, но также и географами, социологами и лингвистами, подходит к феномену миноритарного языка с точки зрения его положения в социуме. Взятые в целом статьи дают очень хорошее представление о социолингвистической ситуации как в регионах Российской Федерации, так и на пространстве СНГ:

⁹ *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. Москва, 2003.

Карелия (С. Ковалева, А. Родионова), Молдавия (Н. Скурту), Киргизия (И. Масдые).

Отдельно хотелось бы сказать несколько слов о статье Ф. Роллан «Место русского языка в странах СНГ в 2010 году» (с. 173–215), в которой детально описано положение русского языка во всех странах, входящих или входивших в тот или иной период в СНГ. Работа не претендует на глубокий анализ причин создавшегося положения, но фактическая ситуация изложена методологически безупречно.

Юридические аспекты положения русского языка в странах Балтии исчерпывающе изложены в статье М.-Э. Бодуен «Номинативная и юридическая категоризация русского языка в Странах Балтии» (с. 215–241). Эти две работы могут послужить хорошей фактологической базой для последующих исследований в этой области.

Правовые аспекты положения языков в сфере образования и средств массовой коммуникации в Российской Федерации, Сербии и Франции представлены в статье Д. Джокич и Л.-М. Ле Рузик «Миноритарный язык и его номинации в области образования, права и средств массовой информации: взгляд на российскую терминологию в сравнении с франко-сербской» (с. 367–381). В статье хорошо показано принципиальное различие в подходах к понятию «меньшинства» во Франции, где такая категория просто не может существовать, поскольку «Французская революция закрепила в коллективной памяти возможность существования только единого французского народа и одного языка — французского» (с. 370) и в России, где «меньшинства играют заметную роль» (там же). Во Франции язык меньшинства может быть частично признан только через концепт территории, но не через культурную идентификацию личности. Собственно поэтому прототипической номинацией служит понятие «региональный язык». В России мы находим целую палитру номинаций миноритарных языков, отражающих культурно-этническую специфику их представителей. Однако, несмотря

на весьма скромное юридическое признание миноритарных языков, в настоящее время Франция переживает подъем интереса к их преподаванию и изучению. Единственно, что твердо избегается, это связь языка и народа, всего, что могло бы привести к формированию «бретонской» или иной нации. Собственно именно с этим связано использование семантики числа, о которой говорится в статье А. Вио (с. 321–339) и которая приводит, с одной стороны, к растворению языков в едином наследии, а с другой стороны, представляет их как конгломерат идиом. В России при широком правовом признании миноритарных языков наблюдается стагнация или регресс в их распространении (с. 372). Ведущая роль активистов и общественных организаций в деле сохранения и изучения миноритарных языков объединяет обе страны. В юридическом аспекте ситуация в Сербии схожа с российской.

После прочтения книги напрашиваются следующие заключения. Одной из причин множественности и неопределенности терминологий стали две коренные смены идеологической и политической формаций в XX в. на пространстве бывшей Российской империи и бывшего СССР, что стало причиной глубоких социальных преобразований, а поиск новой идентичности, как этнической, так и индивидуальной, выдвинул на первое место феномен языка в качестве символа, часто единственного и всегда основного, новой государственности и конструируемой этничности на постсоветском пространстве. Этот процесс привел к рекатегоризации языкового пространства, основным фактором которого стало противопоставление русского языка государственным и официальным языкам вновь образованных государств. Однако институализация языка не решает все вопросы, связанные с социальными аспектами и функциональным потенциалом данного языка, а также его репрезентацией (социальным образом) у носителей данного идиома. Анализ взаимоотношений русского языка как миноритарного и государственных языков в странах Балтии,

Кыргызстане, Молдове, представленный в данной монографии, подтверждает эту идею.

Другой причиной множественности терминологий стали заимствования, как собственно лексические, так и концептуальные, из европейской и американкой социолингвистики. В ряде случаев сосуществование в одном дискурсивном поле разных понятийных единиц приводит к росту неопределенности номинаций. В Западной Европе проблемы мультикультурализма трактуются, как правило, в социальном, а не в этническом ключе, на постсоветском пространстве в целом господствует принцип «институциализованной этничности», что часто приводит к принципиальной несовместимости и несводимости разных терминосистем, при их формальном сходстве.

Эбзеева Ю.Н.

Юлия Николаевна Эбзеева
Российский университет дружбы народов, Москва
julia_eb@list.ru